Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ.
(22-ой годъ изданія).

Основатель Я. Г. Гуревичъ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ И ДѢЯТЕЛЕЙ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Кружка совм. воспит. и образов. дѣтей
Родительскій клубъ

№ 2.

ФЕВРАЛЬ. 1911 г.

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ 1904 году.

РОДИТЕЛЬСКІЙ КЛУБЪ
КРУЖКА
СОВМ. ВОСПИТ. и ОБРАЗ. ДѢТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1911.

Продолжается подписка на 1911 годъ

(22-й годъ изданія).

Книга 2, февраль 1911 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

I ОТДѢЛЪ.

		стран.
	Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія	III—XIV
1.	Наглядность письма въ освѣщеніи современной психологіи. **Вс. Флерова**	1— 24
2.	Теорія и дѣйствительность въ области всеобщаго обученія (Окончаніе). **Н. Іорданскаго**	25— 39
3.	Обученіе родному языку въ освѣщеніи Л. Н. Толстого. (Окончаніе). **Н. Бочкарева**	40— 59
4.	Роль крестьянъ въ распространеніи народнаго образованія въ связи съ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости. **Н. П. Малиновскаго**	60— 74
5.	Что читать по исторіи народному учителю. II. По всеобщей исторіи. **Н. Покотило**	75—105
6.	Культурная работа въ ссылкѣ. **Б. Фроммета**	106—134
7.	„Эсперанто“ или „Идо“. **Э. Лямбека**	135—146
8.	Роль школьнаго врача. **Адр. Владимірскаго**	147—165

II ОТДѢЛЪ. Экспериментальная педагогика.

1.	Первый Всероссійскій Съѣздъ по Экспериментальной педагогикѣ. **Н. Румянцева**	166—185
2.	Библіографія: *D-r Otakar Kádner.* Dějiny pedagogiky. **Н. Ахтина.**—*P. Mendousse.* Dressage à l'education. **А. Старожицкой**	186—191

III ОТДѢЛЪ

1.	**Критика и библіографія.** Народы и страны. **А. Мезіеръ.**	1— 14
2.	О педагогикѣ математики. По поводу книги *В. Мрочека и Ф. Филипповича.* **Ив. Цвѣткова**	14— 22
3.	Школьныя экскурсіи и ихъ значеніе. **А. Савицкаго** и **Евг. Елачича**	22— 26

Великая реформа. **С. Золотарева.**—*И. И. Игнатовичъ.* Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. **С. Вознесенскаго.**—*Р. Пенцигъ.* Серьезные отвѣты на дѣтскіе вопросы. **А. Левоневскаго.**—*Л. П. Боголѣповъ.* Естественно-историческія основы общеобразовательной школы. **Б. Райкова.** — Дѣтская жизнь въ картинахъ русскихъ художниковъ. **Н. В. Чехова.**—*Н. В. Тулуповъ* и *П. М. Шестаковъ.* Слово. **А. Налимова.**—*Э. Кросби.* Толстой и его жизнеописаніе. *Ч. Вѣтринскій.* Л. Н. Толстой. **А. Налимова.**—*С. Григорьевъ.* Курсъ физики. **Н. Томилина.**—*В. А. Гебель.* Элементарная геометрія. **Ф. И. Павло-**

См. 3-ю стр. обложки.

СТРАН.

ва.—*М. М. Поповъ.* Иллюстрированная исторія методики рисованія. **В. Бейера.**—*В. Буснахъ.* Своими силами. **А. Налимова.**—*В. Г. Танъ.* Восемь племенъ. **К.**—Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. №№ 25 и 165. **А. Налимова.** 27— 46

4. Дѣтскіе журналы. (Журналы А. Федорова-Давыдова: „Путеводный Огонекъ“ и „Свѣтлячекъ“ за 1910 г.) **Е. Рудневой** . . . . . 47— 56

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1. **Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.** Анкета по вопросамъ о внѣклассномъ чтеніи учащихся во французскихъ школахъ **Е. Р.** . . . . . 57— 61
2. **Изъ хроники народнаго образованія въ Россіи.** Районныя собранія учащихъ Дмитровскаго уѣзда. **П. Казанцева** . . . . . 61— 64
3. Народное образованіе у туркменъ. **С. Фарфоровскаго** . . . 64— 65
4. III-ій международный конгрессъ народнаго воспитанія въ Брюсселѣ. **Н. Мальцевой.** . . . . . 66— 77
5. Учено-педагогическая дѣятельность М. М. Стасюлевича **Н. Борецкаго-Бергфельда** . . . . . 77— 82
6. **Изъ хроники внѣшкольнаго образованія.** Къ характеристикѣ обществъ самообразованія. **М. Хейсина** . . . . . 82— 87
7. **Замѣтки изъ текущей жизни.** Школьныя елки. **А. Гуревичъ.** . . . . . 87— 88
8. **Разныя извѣстія и сообщенія.** Всеобщее обученіе въ Сибири.—О постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ нач. школахъ Моск. губ.—Введеніе агрономическихъ свѣдѣній въ нач. школу.—О предоставленіи заработка оканчивающимъ город. профессіон. школы.—Образовательный цензъ учит. персонала въ земскихъ школахъ Воронеж. губ.—Объ использованіи школьныхъ помѣщеній подъ бараки.—О пенсіяхъ учащимъ нач. училищъ.—Введеніе 4-годичнаго курса обученія.—Пособія жен. профессіон. школамъ.—Новые учительскіе институты.—Педагогическіе лѣтніе курсы въ Вилен. учебн. Округѣ.—Курсы при О-вѣ Воспит. и Учит. въ Москвѣ.—Курсы на пасхальныхъ каникулахъ.—Педагогическая библіотека при „Пост. Комиссіи курсовъ для учителей“.—Ассигновка на пріемъ образоват. экскурсій.—Учительскій домъ въ Уфѣ.—Выставка Одесскаго отдѣленія И. Р. Техн. О-ва.—Комиссія по содѣйствію сельскому народному театру.—О Самарскомъ Политехникумѣ.—Допущеніе вольнослушательницъ къ госуд экзаменамъ.—Къ 50-лѣтію высш. женскаго образованія.—40-лѣтіе Уч. Отд. М. О-ва Р. Т. Зн.—Международная выставка воздухоплаванія.—Дѣтскія Собранія.—Увѣковѣченіе памяти Л. Н. Толстого.
9. Новости литературы . . . . . 89— 99
10. Всероссійскій съѣздъ по библіотечному дѣлу. . . . . 99—103
11. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва . . . . 103—106

Объявленія. . . . . 107—110

Цѣна объявленій въ журналѣ «Русская Школа».

Впереди текста:		**Позади текста:**	
на 1 страницу	40 руб.	на 1 страницу	30 руб.
„ ½ страницы	25 „	„ ½ страницы	20 „
„ ¼ страницы	15 „	„ ¼ страницы	10 „

За разсылку вкладныхъ объявленій вѣсомъ 1 лотъ: по 10 рублей съ тысячи экземпляровъ.

За каждый слѣдующій лотъ, *свыше одного лота*, взимается съ каждой тысячи экземпляровъ—7 р.

РОДИТЕЛЬСКІЙ КЛУБЪ
К Р У Ж К А
СОВМ. ВОСПИТ. и ОБРАЗ. ДѢТЕЙ.

Культурная работа въ ссылкѣ.

А кругомъ—все глушь пустынная
Глушь, томящая сердца,
Гдѣ не знаетъ время длинное
Ни начала, ни конца.
(*Леонидъ Афанасьевъ*).

I.

Уголовная и политическая ссылка преслѣдуетъ совершенно различныя цѣли. Въ первомъ случаѣ, на ряду съ устрашающимъ значеніемъ наказанія, имѣются въ виду колонизаціонныя стремленія, тѣсно переплетающіяся съ исправительными: желаніе во что бы то ни стало заселить глухую окраину; во второмъ—на дѣлѣ все сводится къ политическому возмездію. Вслѣдствіе различія мотивовъ уголовной и политической ссылки сторонники одной нерѣдко являются противниками другой [1]). Гольцендорфъ, долгое время защищавшій уголовную ссылку, измѣнивъ свой взглядъ, писалъ: «Я различаю два основные способа ссылки. Первый состоитъ въ исправленіи преступниковъ и постепенномъ доставленіи имъ въ собственность земельныхъ участковъ. Но только одно государство, именно Россія, при помощи своихъ обширныхъ азіатскихъ владѣній, можетъ достигнуть хорошихъ результатовъ въ этомъ направленіи, прочія государства не имѣютъ достаточныхъ для этого территорій. Другой способъ есть ссылка, въ виду предупредительныхъ цѣлей безопасности, преступниковъ политическихъ, а также тяжкихъ общихъ преступниковъ... Отъ этого второго способа ссылки я не ожидаю теперь никакихъ выгодъ» [2]). Въ настоящее время теорія и практика Западной Европы приводитъ къ отрицательному отношенію къ политической ссылкѣ. Но у насъ въ виду своеобразныхъ россійскихъ условій ссылка продолжаетъ сущствовать.

Какъ общее правило, политическая ссылка не могла выполнять

---

[1]) *Фойницкій* „Ссылка на Западѣ“. Петербургъ, 1881, стр. 244.
[2]) Тамъ же, стр. 338.

колонизаціонныхъ задачъ уже потому, что въ нормальныхъ условіяхъ число ссыльныхъ (если таковые все же имѣются) незначительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительства обычно избирали для политической ссылки мало пригодныя въ колонизаціонныхъ цѣляхъ мѣста, и наиболѣе опасный элементъ подвергали усиленному надзору, что способствовало полному упадку энергіи у подвергавшихся репрессіямъ.

Мѣстомъ Россійской политической ссылки, въ виду отдаленности и суровости климата, оказалась та Сибирь, куда правительство издавна ссылало уголовныхъ, преслѣдуя колонизаціонныя цѣли. Сошлемся на слова Высочайшей резолюціи отъ 6 мая 1899 г. «Установленная еще въ XVII столѣтіи ссылка преступниковъ въ Сибирь нѣкогда содѣйствовала заселенію этого обширнаго и обильнаго естественными богатствами края» [1]). Поэтому съ проведеніемъ желѣзной дороги и усиленнымъ вниманіемъ правительства къ переселенческому вопросу былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ ссылки (1900 г.).

Высокій культурный уровень политической ссылки и нерѣдко значительное общественное положеніе въ прошломъ заставляли нѣкоторое время саму администрацію прибѣгать къ помощи ея отдѣльныхъ членовъ.

Также поступали и мѣстные жители.

Въ свою очередь, политическіе ссыльные, обыкновенно — люди дѣятельные и энергичные, заброшенные въ какой-нибудь глухой, забытый уголокъ, не зная куда затратить избытокъ силъ, не могли не интересоваться жизнью края [2]), и вполнѣ понятна забота политическихъ ссыльныхъ о нуждахъ мѣстныхъ, — особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надеждъ на скорое возвращеніе не было и приходилось «колонизоваться».

О томъ вліяніи, какое оказала политическая ссылка на судьбы Сибири, сообщаетъ знаменитый изслѣдователь края, Ядринцевъ, самъ бывшій ссыльный: «Декабристы»,—пишетъ онъ,—«въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали даже завести маленькія школы, какъ, напр., въ Ялуторовскѣ. Точно также впослѣдствіи участниками въ развитіи мѣстнаго общества явились и нѣкоторые петрашевцы (осужденные по дѣлу Петрашевскаго). Они, подобно Достоевскому, находились въ разныхъ городахъ Сибири и впослѣдствіи описали ссылку въ литературныхъ произведеніяхъ, какъ Достоевскій и Львовъ. Кромѣ этихъ лицъ, среди ссыльныхъ появлялись люди, хотя и скрывавшіе происхожденіе свое, но, какъ видно, высокаго интеллектуальнаго

---

[1]) *„Отмѣна ссылки“*—„Журн. Мин. Юстиціи“, 1900, VII, стр. 84—5.

[2]) *Ильинскій* „Архангельская ссылка“, изд. „Право“, 1906, стр. 197.

развитія и замѣчательнаго закала» [1]). Ядринцевъ пишетъ далѣе: «Извѣстна дѣятельность декабристовъ, напр., въ Ялуторовскѣ, гдѣ былъ Якушкинъ, фонъ-Визинъ; въ Тобольскѣ, гдѣ баронъ Штейнгель принималъ участіе въ проектахъ административныхъ при одномъ изъ губернаторовъ, разные опыты декабристовъ въ области сельскаго хозяйства (въ Курганѣ, Ялуторовскѣ, Минусинскѣ и въ Читѣ). Вліяніе декабристовъ замѣтно въ Томскѣ (Батенковъ), въ Иркутскѣ, въ Красноярскѣ и даже въ Селенгинскѣ; вездѣ они оставляли память и учениковъ. Иногда они выступали даже какъ борцы въ разрѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, какъ, напр., Дмитрій Завалишинъ во время Амурскаго вопроса. Точно также не прошла безслѣдно и жизнь нѣкоторыхъ петрашевцевъ: Спѣшневъ, Петрашевскій и Львовъ приняли участіе при созданіи мѣстной печати (участіе ихъ въ газетѣ «Амуръ»). Впослѣдствіи образованные поляки временъ какъ 1830 г., такъ и 1863 г., оказали замѣтное вліяніе на развитіе Сибири. Среди нихъ явились ученые, какъ Дыбовскій, Чекановскій и Черскій, оказавшіе услугу своими изслѣдованіями. Нельзя не указать также на дѣятельность якутскихъ ссыльныхъ, вносившихъ изслѣдованія мѣстнаго быта. Укажемъ, напр., на очерки якутской жизни талантливаго Шиманскаго, Сѣрко и нѣкоторыхъ русскихъ этнографовъ и беллетристовъ, какъ Короленко, Виташевскій, Пекарскій, жившій въ Якутскѣ, Худяковъ и др. Дѣятельность подобныхъ образованныхъ поляковъ не проходила безслѣдно на окраинѣ» [2]).

Къ такому же выводу, какъ и Ядринцевъ, приходитъ С. Максимовъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Сибирь и Каторга». «Количество грамотныхъ въ казачьемъ сословіи между заводскими крестьянами и городскими мѣщанами,—замѣчаетъ онъ,—несравненно выше соотвѣтствующихъ имъ сословій Россіи. Купечество сибирское вообще отличается наибольшею развитостью въ политическихъ взглядахъ, большимъ, такъ называемымъ, энциклопедическимъ образованіемъ, чѣмъ, напримѣръ, то купечество, которое покупаетъ у нихъ чай и мѣха и отпускаетъ имъ ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготовляемое Москвою» [3]).

Уже среди ссыльныхъ XVIII вѣка, несмотря на то, что подавляющее большинство ихъ находилось въ ужасныхъ условіяхъ, извѣстно имя Сойманова. Это былъ любимецъ Петра I, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ первый составилъ

---

[1]) „Сибирь, какъ колонія“. Петербургъ, 1891, стр. 563—4.

[2]) Тамъ же, стр. 629.

[3]) „Сибирь и Каторга“. Ч. 3-я, стр. 60.

карту Бѣлаго моря и онъ же впервые описалъ берега Каспійскаго моря. За участіе въ дѣлѣ Волынскаго Бирона, послѣ того какъ Сойманову вырвали ноздри, сослалъ его на Охотскій солеваренный заводъ. По своемъ вступленіи на престолъ Елисавета Петровна вернула ему шпагу и разрѣшила жить, гдѣ онъ хочетъ. Но Сойма новъ оставался еще 16 лѣтъ въ Сибири, пользуясь полной свободой. Въ 1753 года онъ измѣрялъ фарватеръ Шилки, и въ 1757—былъ сдѣланъ Сибирскимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ принесъ много пользы. Въ Охотскѣ устроилъ Морскую школу; около одного монастыря на Байкалѣ—маякъ и гавань; уничтожилъ анадырскій острогъ для облегченія несчастныхъ коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ непосильной перевозкой туда провіанта и различныхъ припасовъ; положилъ начало устройству главнаго Сибирскаго тракта черезъ Барабу; при немъ же Омская линія устроена такъ, что набѣги киргизовъ сдѣлались рѣдки. Въ журналѣ «Ежемѣсячныя сочиненія» сохранились замѣчательные ученые труды бывшаго изгнанника: «Сибирь—золотое дно», «Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ» и «Письмо россійскаго навигатора къ молодому Зейману» [1]).

Конечно, Сойма новъ былъ выдающейся личностью, крупной величиной, но и другіе политическіе ссыльные, при первой возможности, дѣлали что-нибудь для мѣстнаго населенія. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка полякъ Беневскій и бывшій капитанъ гвардіи П. Хрущовъ «занимались обученіемъ дѣтей, собирались даже завести школу русскаго языка для камчадаловъ; читали книги» [2]).

Въ XIX вѣкѣ, кромѣ декабристовъ, довольно большую роль сыграла польская шляхетская ссылка бывшихъ повстанцевъ.

Жили поляки довольно дружно. Въ тридцатыхъ годахъ, отчасти подъ вліяніемъ декабристовъ, ими была составлена библіотека, доходившая до трехъ тысячъ томовъ. Владѣло ею, какъ и товарищеской кассой, а также завѣдывало выпиской газетъ, выдачей писемъ и т. д.,—забайкальское товарищество, организованное Бопре, Машковскимъ, Боровскимъ и Чапскимъ для поляковъ—ссыльныхъ. Впослѣдствіи подобныя организаціи политическихъ пріобрѣли имя колоній. Иногда устраивались товарищескія сходки, на которыхъ имѣлъ мѣсто обмѣнъ мыслей, при чемъ сборнымъ пунктомъ таковыхъ оказывался обычно Акатуевскій рудникъ [3]).

Несмотря на подобную дружескую жизнь, поляки охотно сбли-

---

[1]) Тамъ же, стр. 151 и 152.

[2]) Тамъ же, стр. 18.

[3]) Тамъ же, стр. 47—51.

жались съ мѣстными жителями и оказывали имъ различныя услуги,—иногда даже невольно, такъ какъ всякое новое полезное начинаніе въ глухой Сибири шло на пользу мѣстному населенію. Кое-гдѣ за Байкаломъ и во многихъ мѣстахъ Сибири познакомили жителей съ плугомъ. Самая лучшая забайкальская пшеница называется польской. Подъ Нерчинскомъ у изгнанниковъ былъ образцовый конный заводъ, при чемъ сибиряки охотно покупали оттуда лошадей. Поляки основали фабрики—сыровъ польскихъ и швейцарскихъ; сигаръ изъ монгольскаго и нерчинскаго табака, заводы—мыльный и масляной и т. д. Къ сожалѣнію, послѣ отъѣзда поляковъ многія изъ ихъ начинаній заглохли; такъ, напримѣръ, немедленно начала падать добротность кедроваго масла.

Еще болѣе сдѣлали поляки, посвятившіе себя обученію дѣтей. Безъ этихъ, въ то время многочисленныхъ учителей дѣло грамотности коснѣло бы при старыхъ порядкахъ. Хотя и съ трудомъ, но полякамъ удалось побороть недовѣрчивость, косность и упрямство нѣкоторыхъ обывателей—главнымъ образомъ, мѣщанскихъ и купеческихъ семействъ по городамъ. Съ точностью опредѣлить вліяніе поляковъ на мѣстное населеніе невозможно, такъ какъ одновременно съ ними дѣйствовали декабристы.

Яснѣе сказалось ихъ вліяніе въ передачѣ знаній французскаго и другихъ иностранныхъ языковъ, а также музыки. Ими устраивались концерты, балы, а, на ряду съ этимъ, поляки способствовали появленію у многихъ купцовъ прекрасныхъ библіотекъ и кабинетовъ съ рѣдкими и изящными вещами.

Большую пользу принесли и тѣ поляки, которые, подобно Шокальскому, явились съ медицинскими знаніями.

По примѣру Литвы и Жмуди, поляки пробовали заводить на Ленѣ, въ окрестностяхъ Киренска, общества трезвости. Попытка кое-гдѣ привилась. Въ Иркутскѣ же она не имѣла успѣха, вслѣдствіе противодѣйствія администраціи и духовенства [1]). Но, въ общемъ, «полякамъ привелось, вслѣдъ за другими (политическими ссыльными), будить мысль, поднимать самосознаніе и направлять самодѣятельность» [2]).

Менѣе счастливы оказались поляки, очутившіеся въ ссылкѣ послѣ повстанія 1863 года. Имъ была запрещена свобода передвиженія, и благодаря этому, ихъ экономическое положеніе оказалось неважнымъ. Голодъ же и нужда не способствовали тому, чтобы ссыльные могли оказывать значительное вліяніе на мѣстное населеніе.

---

[1]) Тамъ же, стр. 56—61.

[2]) С. Максимовъ. „Сибирь и каторга“, стр. 60.

Остальные немногочисленные политическіе ссыльные приблизительно того же періода (пятидесятыхъ — шестидесятыхъ годовъ) очутились въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Культурное вліяніе Петрашевскаго на мѣстныхъ людей не отрицаетъ даже враждебно относившійся къ нему чиновникъ Б. А. Милютинъ. По словамъ послѣдняго, въ Иркутскѣ въ частной библіотекѣ, игравшей роль клуба, Петрашевскій былъ первымъ лицомъ (дѣло относится къ концу 50-хъ годовъ).

Бакунинъ (со словъ того же Б. А. Милютина) не дѣйствовалъ такъ энергично, но все же въ его нетопленной холодной квартирѣ устраивались вечеринки. Понятно, «рѣчи лились потоками изъ устъ краснорѣчиваго хозяина» [1]).

Культурно-просвѣтительнаго значенія россійской политической ссылки не сможетъ отрицать ни одинъ ея изслѣдователь. Въ этомъ преимущество россійской отъ остальныхъ политическихъ ссылокъ всѣхъ временъ и національностей. Цивилизующей политической ссылкой явилась одна россійская.

На ряду съ вліяніемъ на мѣстное населеніе важно отмѣтить самообразовательную роль политической ссылки для подвергавшихся ей. Для нихъ ссылка была своего рода университетомъ и академіей.

Не останавливаясь подробно на роли поляковъ, не говоря уже о петрашевцахъ и т. д., мы ставимъ своей задачей выясненіе культурно-просвѣтительнаго значенія трехъ различныхъ періодовъ политической ссылки:

1) *вельможной*, или декабристовъ;

2) *разночинно-интеллигентской*, начиная приблизительно съ 70-хъ годовъ до революціи;

3) *массовой*, послѣ октябрьскихъ дней и понынѣ [2]).

Каждый изъ этихъ періодовъ имѣлъ свои особыя отличительныя черты, прослѣдить которыя мы и попытаемся.

II.

Декабристы были люди «изъ высшаго общества», которые, если не считать предварительнаго тюремнаго заключенія, нерѣдко шли въ ссылку прямо изъ зимняго дворца.

Уже въ дорогѣ представители административной власти, нерѣдко знакомые, относились къ нимъ, какъ къ старымъ пріятелямъ, съ которыми случилось несчастье.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Отвѣтственность за подобную терминологію намъ приходится брать всецѣло на себя. *Авт.*

Напуганный фельдъегерь, сопровождавшій «арестантовъ» (среди которыхъ иногда оказывались его прежніе начальники), загонялъ лошадей, тройки съ гиканьемъ неслись вскачь; только одни киргизы посмѣивались надъ бѣшенной скачкой, похваливая своихъ лошадей, и мчались такъ, что даже фельдъегерю не приходилось ихъ подгонять.

— Куда и за что везутъ такихъ важныхъ господъ?—рѣшительно недоумѣвалъ простой народъ при видѣ необыкновенныхъ «арестантовъ».

Абрамовъ хотѣлъ поклониться въ Ярославлѣ, по старинному обычаю, окружившимъ его повозку, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ фуражка крѣпко была подвязана у подбородка. Тогда онъ началъ благословлять народъ.

Толпа наклонилась и раздались возгласы:

— Господи! И митрополита везутъ въ Сибирь! [1]).

Подобный же почетъ и уваженіе пришлось встрѣчать декабристамъ и тамъ, гдѣ ихъ не принимали за митрополитовъ въ отставкѣ. Это было крайне важнымъ обстоятельствомъ для ихъ культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Уже прибывъ въ тюрьму, декабристы начали серьезно заниматься. Недостатокъ книгъ давалъ себя чувствовать лишь первое время въ Читѣ, когда было строжайшее запрещено имѣть чернила и бумагу, карандашъ, даже грифельную доску; въ это тяжелое время развлекались шахматами и пѣньемъ, такъ какъ, по общему рѣшенію, карты были запрещены. Насколько упорно боролись декабристы съ отсутствіемъ книгъ и необходимыхъ принадлежностей для занятій видно изъ того, что Завалишинъ писалъ кусочкомъ свинца на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ и пряталъ ихъ за корешокъ книги! [2]).

Послѣ (и сравнительно скоро) времена измѣнились. Въ 1828 г. было разрѣшено получать русскія и иностранныя газеты и журналы [3]). Книги стали выписывать вполнѣ свободно на всевозможныхъ языкахъ, такъ что положеніе коменданта Лепарскаго оказалось крайне затруднительнымъ Что онъ могъ дѣлать, напр., съ книгами на еврейскомъ, арабскомъ и другихъ языкахъ, необходимыхъ для занятій по филологіи? Вначалѣ онъ подписывалъ «читалъ», но послѣ началъ ограничиваться помѣткой «видѣлъ» или «свидѣтельствовалъ». А запрещенные книги и журналы свободно

---

[1]) *А. Е. Розенъ*. „Записки декабриста“, стр. 141.

[2]) *Д. И. Завалишинъ*. „Записки декабриста“, стр. 265.

[3]) *Розенъ*, стр. 154.

проходили даже черезъ канцелярію Государя. Съ этой цѣлью только вырывали, напр., въ книгѣ заголовный листъ и вклеивали что-нибудь въ родѣ: «Traité d'archeologie, de botanique» etc. [1]).

Впослѣдствіи «черезъ книжное изученіе и журнальное чтеніе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ всѣ явленія общечеловѣческой жизни, со всѣми ихъ толкованіями съ точки зрѣнія разныхъ понятій, чувствъ, интересовъ, усвоились и входили всецѣло въ кругъ умственной и нравственной жизни каземата; а для защиты своей идеи имѣлись у каждаго такія вспомогательныя умственныя средства, какими не только ни одинъ частный человѣкъ не можетъ лично располагать въ другомъ какомъ-либо обществѣ, но какихъ не могутъ предоставить даже и общественныя учрежденія въ частное пользованіе отдѣльнаго лица» [2]).

Число книгъ въ послѣднее время пребыванія декабристовъ въ казематѣ достигло до 500.000! Многіе (какъ Н. М. Муравьевъ, Волконскій, Трубецкой) выписали свои библіотеки, а у нѣкоторыхъ онѣ состояли изъ многихъ тысячъ томовъ. Докторъ Вольфъ имѣлъ до 4 тысячъ медицинскихъ книгъ; Лунинъ—полное изданіе твореній отцовъ церкви въ подлинникахъ—греческихъ и латинскихъ; были на лицо всѣ классическія сочиненія греческой, латинской, французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, испанской и польской литературъ.

Затѣмъ, существовала спеціальная газетная артель, при чемъ при выпискѣ производилась складчина. Послѣднее время казематъ на имя однѣхъ дамъ выписывалъ газетъ и журналовъ на нѣсколько тысячъ [3]) Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Journal des Debats», «Constitutinel», «Journal de Francfort», «Revue Encyclopedie», «Revue Britanique», «Revue des deux Mondes», «Revue de Paris», и т. д. [4]).

Занимались декабристы усиленно. Розенъ пишетъ: «Всѣ наши часы были распредѣлены, даже для прогулки вдоль стѣны частокола» [5]). Съ особенной жадностью набросились на чтеніе въ первые дни, послѣ того, какъ оно было разрѣшено [6]). Завалишинъ сообщаетъ о себѣ: «Я вытребовалъ книги изъ своей библіотеки и до такой степени углубился въ изученіе, что, могу сказать, совершенно забылъ внѣшній міръ. Чтобы ничѣмъ не отвлекаться и быть всегда спо-

---

[1]) *Завалишинъ*, стр. 268.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 322.

[3]) *Завалишинъ*, стр. 269. *Розенъ*, стр. 155.

[4]) Записки *Басаргина*, Москва, 1872 г., стр. 117.

[5]) Тамъ-же, стр. 172.

[6]) Записки *М. А. Бестужева*. „Рýсская Старина", 1881 г., XI.

собнымъ къ умственнымъ занятіямъ, я еще въ крѣпости установилъ себѣ ту діэту и расположеніе времени, которое сохранилъ потомъ и въ каземат! Я велѣлъ подавать себѣ одну постную овощную похлебку и опредѣлилъ 18 часовъ на занятія, а 6 на все остальное, на сонъ, ѣду, гулянье и отдыхъ» [1]).

За общественной жизнью слѣдили очень внимательно, войны съ Персіей и Турціей возбудили большіе толки [2]). Еще болѣе заинтересовала французская революція. Когда на послѣднемъ ночлегѣ, уже подходя отъ Читы къ Петровскому, узнали объ іюльской революціи, баррикадахъ и трехдневномъ народномъ возстаніи, газеты жадно перечитывали по нѣсколько разъ; затѣмъ, достали шампанскаго, выпили по бакалу за Іюльскую революцію и пропѣли хоромъ марсельезу [3]).

Но больше всего удѣляли вниманія серьезной умственной работѣ [4]). Завалишинъ за время заключенія выучился писать и говорить на 13 языкахъ,—больше другихъ, хотя почти всѣ изучали незнакомые языки. Въ связи со своими усиленными занятіями по филологіи Завалишинъ сдѣлалъ рядъ переводовъ: всего Священнаго Писанія, первой пѣсни Иліады, первой главы Ѳукидида и т. д. Всего имъ было исписано до 15.000 листовъ мелкимъ почеркомъ. Еще въ каземат Завалишинъ началъ собирать свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ, въ разрѣшеніи вопроса о которомъ онъ сыгралъ большую роль. Тамъ-же имъ была составлена карта Забайкальской области, впослѣдствіи оказавшая много услугъ администраціи [5]).

Въ самостоятельныхъ работахъ вообще не было недостатка среди декабристовъ. Старшій братъ Борисовъ, хотя и невполнѣ нормальный, собралъ замѣчательную коллекцію насѣкомыхъ и придумалъ новую классификацію, совершенно тождественную съ той, которая спустя немного времени была принята Парижской академіей наукъ. Младшій Борисовъ нарисовалъ акварелью виды всѣхъ растеній Даурской флоры и изображеніе почти всѣхъ породъ птицъ Забайкальскаго края. Вольфъ дѣлалъ разложеніе минеральныхъ водъ, которыми богатъ край. Комендантъ, по указанію декабристовъ, составилъ замѣчательную коллекцію метереологическихъ наблюденій за 10 лѣтъ, которая была передана въ Берлинскую академію наукъ и очень цѣнилась тамъ.

Литературныя произведенія были многочисленны.. Достоинство

---

[1]) *Бестужевъ*, стр. 285.
[2]) Записки *Басаргина*, стр. 85.
[3]) Тамъ-же, стр. 98.
[4]) *Розенъ*, стр. 157.
[5]) *Завалишинъ*, стр. 274.

нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ, напр., поэтическихъ произведеній Одоевскаго и басенъ Бобрищева-Пушкина) довольно высоко. Имѣлась и сатирическая литература.

Очень много статей было написано по вопросамъ юридическимъ и экономическимъ.

Для обсужденія новыхъ произведеній устраивались собранія, въ шутку называвшіяся академіей. Кромѣ того, устраивались собесѣдованія, такъ какъ «невозможно было одному лицу прочитать всѣ журалы и газеты, получаемыя отъ одной почты до другой» (Розенъ).

Нѣкоторые декабристы въ Читѣ въ долгіе зимніе вечера читали лекціи, при чемъ, по словамъ Розена, эти бесѣды были полезнѣе всякой книги. Муравьевъ читалъ о стратегіи и тактикѣ, Вольфъ по физикѣ, химіи, анатоміи, Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й—о высшей и прикладной математикѣ, Корниловъ и Мухановъ — по исторіи Россіи [1]).

Въ Петровскомъ заводѣ дѣлали то же самое, при чемъ, напр., Торсонъ разсказывалъ о своемъ кругосвѣтномъ путешествіи и сообщалъ о результатахъ своихъ работъ по механикѣ.

Занимались другъ съ другомъ въ казематѣ крайне охотно. Всякій обучалъ другого тому, что зналъ, и самъ шелъ на выучку къ кому-нибудь другому, свѣдущему въ томъ, чего онъ не зналъ [2]).

Всѣ декабристы признавали огромное значеніе предварительныхъ тюремныхъ занятій для будущаго. Сошлемся на свидѣтельства хотя бы двухъ изъ нихъ. «Много прочелъ съ пользой и многому научился», сообщаетъ Басаргинъ [3]). Бестужевъ пишетъ о казематныхъ занятіяхъ: «Все, чему я научился, послужило много мнѣ впослѣдствіи, когда надо было примѣромъ, а не словомъ учить понятливыхъ, но невѣжественныхъ сыновъ природы, каковы «братскіе» (буряты) [4]).

Даже находясь въ тюрьмѣ, декабристы пользовались большой свободой и подъ конецъ своего заключенія получили право свободно уходить изъ каземата на волю [5]). При такихъ условіяхъ, понятно, ихъ знанія уже тогда могли приносить пользу. Дѣйствительно, очень скоро декабристы, хорошо знавшіе медицину, завели свою аптеку и всѣ инструменты, необходимые какъ хирургу, такъ и акушеру. Вначалѣ комендантъ Лепарскій старался мѣшать декабристамъ, но когда онъ самъ заболѣлъ, ему пришлось прибѣгнуть къ

---

[1]) *Завалишинъ*, стр. 273. *Розенъ*, стр. 155 и 156.

[2]) *Завалишинъ*, стр. 269. *Бестужевъ*, стр. 627.

[3]) *Басаргинъ*, стр. 132.

[4]) *Бестужевъ*, стр. 628.

[5]) *Завалишинъ*, стр. 313—4.

помощи заключенныхъ. Послѣ этого стали обращаться другіе мѣстные жители, а комендантъ писалъ шефу жандармовъ трогательное письмо въ идиллическомъ тонѣ: «Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ!» Въ результатѣ подобной идилліи, какъ сообщаетъ Завалишинъ, «черезъ четыре года сняли съ насъ желѣза» [1]).

Безуспѣшны также оказались административныя препятствія занятіямъ съ дѣтьми. Въ концѣ-концовъ восторжествовали декабристы, и въ Петровскомъ заводѣ уже были устроены форменныя учебныя и ремесленныя школы, въ которыхъ обучались дѣти заключенныхъ и заводскихъ служащихъ. Самые лучшіе мастеровые и ремесленники вышли изъ казематскихъ школъ. Уже живя въ Москвѣ, Завалишинъ получилъ письмо отъ своего бывшаго ученика кузнеца, отца восьми дѣтей, который не только самъ учитъ своихъ дѣтей, но и внимательно слѣдитъ за литературой [2]).

По выходѣ изъ острога декабристы немедленно принялись за плодотворную и полезную дѣятельность.

Ихъ медицинскія знанія приносили большую пользу. Къ Бобрищеву-Пушкину, напр., стекались цѣлыя толпы народа, и память о его самоотверженной работѣ во время холеры сохранилась на долгое время [3]). Сибирская интеллигенція и раньше за недостаткомъ врачей приходила на помощь къ мѣстнымъ крестьянамъ, но декабристы придали нѣкоторую организованность тому, что носило весьма случайный характеръ: были выписаны популярныя руководства, необходимыя лекарства, устроены иногда даже «огороды лекарственныхъ травъ». О дѣятельности декабристовъ на этомъ поприщѣ узнаемъ слѣдующее: «Въ Сибири мало докторовъ, по одному на округъ въ 40.000 жителей на пространствѣ 500 верстъ; но какъ вездѣ много больныхъ, то они доставляли много случаевъ... Случалось, что слѣпые и глухіе приходили изъ дальнихъ мѣстъ просить помощи по наслышкѣ о славѣ врачеванія. Всѣхъ насъ прилежнѣе занимался по этой части И. Ф. Фохтъ, который исключительно читалъ только медицинскія книги, имѣлъ лекарства сложныя, сильныя, лечилъ горожанъ и поселянъ. Нарышкинъ разъѣзжалъ по деревнямъ и помогалъ, гдѣ могъ».

Въ области сельскаго хозяйства прежніе бѣлоручки-дворяне оказались учителями крестьянъ. Завалишинъ, напр., выписалъ много различныхъ полезныхъ сѣмянъ для даровой раздачи крестьянамъ.

---

[1]) *Завалишинъ*, стр. 262.

[2]) Тамъ-же, стр. 270.

[3]) *Дмитріевъ-Мамоновъ*. „Декабристы въ Западной Сибири“. Очеркъ по оффиціальн. документамъ.—„Чтенія Общ. Ист. и древн. росс.“, 1895, кн. 4-я, стр. 172; *М. Д. Францева*. „Воспоминанія“. „Истор. Вѣстникъ“, 1888, V. стр. 411.

на опыты и «доступныхъ разумѣнію простыхъ людей руководствъ, а также чертежей простыхъ машинъ». Уже со второго года его пребыванія въ Читѣ были введены молотильные катки [1]).

Высшая администрація сначала не разрѣшала декабристамъ самимъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, и ходатайство объ этомъ Розена вызвало недовольное замѣчаніе Николая I: «Помѣщикомъ хочетъ жить!» Но послѣ было разрѣшено каждому пожелавшему пріобрѣсти 15 десятинъ. Розену удалось, воспользовавшись согласіемъ товарищей, не пріобрѣтавшихъ земли, повести раціональное хозяйство на шестидесяти десятинахъ, возбуждавшее вниманіе мѣстныхъ крестьянъ. Предоставимъ говорить ему самому: «60 десятинъ обработанной земли доставляли большое поле дѣятельности. Съ городской стороны поле мое было окаймлено Бошняковскимъ озеромъ; берегъ былъ песчаный и солонцеватый и не произросталъ даже травы; это безплодное мѣсто удобрилъ я огромною кучею золы, выброшенной изъ мыловареннаго завода въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, это удобреніе въ два года оказало пользу... Мои пашни были превосходны отъ природы: почва черноземъ и въ большей части Курганскаго округа не было ни единаго камня. Такая почва не терпитъ удобренія, однако, несмотря на то, унавозилъ нѣсколько десятинъ подъ горохъ, который удался на чудо. Изъ земледѣльческихъ орудій употреблялъ я, такъ называемый, двуконный сибирскій плугъ, устроенный въ родѣ бельгійскаго, весьма легкій и удобный. Слѣдуя совѣтамъ Теэра, ввелъ я экстирпаторъ, катокъ изъ лиственничнаго дерева и особеннаго устройства желѣзныя бороны. Трехпольное хозяйство обратилъ въ многопольное и плодопеременное. Нѣкоторыя попытки были удачны... Катокъ и экстирпаторъ очень пригодились; *сосѣдніе хлѣбопашцы приходили смотрѣть на дѣйствіе этихъ орудій*» (курсивъ нашъ—Б. Ф.) [2]).

Желая узнать бытъ народа и сблизиться съ нимъ, декабристы нерѣдко выполняли самыя тяжелыя работы. «Чтобы все узнать по собственному опыту», пишетъ Завалишинъ, — «я прошелъ всѣ работы, исполняя ихъ очень серьезно и всегда настолько, чтобы быть въ состояніи составить себѣ о всякой работѣ правильное понятіе. Я рубилъ лѣсъ, пилилъ его, расчищалъ землю, пахалъ, боронилъ, сѣялъ, жалъ, косилъ сѣно, копалъ гряды, сажалъ деревья, объѣзжалъ дикихъ лошадей, былъ плотникомъ, столяромъ, каменьщикомъ, слесаремъ, стекольщикомъ, моляромъ и пр., во всякое время и при всякой погодѣ, въ жаръ и вѣтеръ, на песчаной почвѣ, въ лѣсу съ

---

[1]) *Завалишинъ*, стр. 368.

[2]) *Розенъ*, стр. 203—4.

оводами и комарами, въ ненастье и вьюгу» [1]). Съ цѣлью сближенія съ бурятами Н. Бестужевъ уходилъ въ горы на цѣлыя недѣли охотиться вмѣстѣ съ ними [2]). Декабристы нерѣдко (какъ было, напр., въ Селенгинскѣ) принимали участіе во всѣхъ развлеченіяхъ мѣстныхъ жителей, руководствуясь правиломъ—съ волками жить, по волчьи выть,—но затаенная цѣль была одна: сблизится съ населеніемъ.

Понятно, при такихъ условіяхъ результаты культурно-просвѣтительной работы не могли не быть благопріятны.

Декабристы учили всякаго «всему, что онъ только могъ изучать по способностямъ и по охотѣ» [3]). Къ нимъ шли и мальчики и дѣвочки, и ребята и взрослые, и крестьянскіе и чиновничьи дѣти. Какъ общее правило, обученіе было безплатное. Деньги брали только съ наиболѣе зажиточныхъ. Даже высшіе чиновники крайне охотно пользовались услугами декабристовъ. Такъ, напр., А. А. Бестужевъ (Марлинскій) давалъ уроки дѣтямъ А. П. Злобина, чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ и бывшаго начальника солеварнаго завода въ Якутской области [4]).

Школьная дѣятельность декабристовъ скоро потеряла свой частный характеръ, такъ какъ они не встрѣчали никакихъ препятствій, а наоборотъ, сочувствіе. Лишь Завалишину первое время духовенство старалось помѣшать, но послѣ Иркутскій архіерей обратился къ нему самъ съ просьбой оказать содѣйствіе для учрежденія приходскихъ школъ по деревнямъ. Крестьяне 18 большихъ селеній дѣйствительно подъ вліяніемъ Завалишина составили приговоры объ открытіи школъ съ весьма достаточнымъ содержаніемъ, но съ обязательнымъ условіемъ, чтобы былъ особый учитель не изъ духовенства [5]). Завалишинъ самъ расходовалъ деньги на устройство школъ. Когда, напр., были закрыты за недостаткомъ средствъ крестьянскія и казенныя школы, онъ настоялъ на ихъ открытіи и далъ необходимую сумму [6]). Неудивительно, если администрація обращалась и къ другимъ декабристамъ съ просьбами взять на себя завѣдываніе учебными заведеніями. Когда въ Тобольскѣ была открыта Маріинская школа, губернаторъ Прокофьевъ попросилъ Свистунова наблюдать за нею. Также поступилъ и преемникъ Прокофьева—Арцымовичъ [7]). Въ томъ же Тобольскѣ, по просьбѣ архіерея, Вольфъ читалъ въ семи-

---

[1]) *Завалишинъ*, стр. 366.
[2]) *Записки М. А. Бестужева*, стр. 639—40.
[3]) *Завалишинъ*, стр. 363.
[4]) *Розенъ*, стр. 142—3.
[5]) *Завалишинъ*, стр, 365.
[6]) Тамъ же, стр. 366.
[7]) *Францева*, стр. 408—9, *Дмитріевъ-Мамоновъ*, стр. 156—7.

наріи лекціи по гигіенѣ [1]). Якушкинъ въ Ящуровскѣ организовалъ двѣ школы, гдѣ примѣнялся методъ взаимнаго обученія Беля и Ланкастера. «За все 14-лѣтнее существованіе школъ онъ ни разу не подвергался преслѣдованію за свою педагогическую дѣятельность ни путемъ доноса, ни путемъ прямого полицейскаго стѣсненія его общественной дѣятельности» [2]).

Даже въ самыхъ глухихъ углахъ Сибири декабристы по прежнему слѣдили за умственной и общественной жизнью, какъ и въ казематѣ. Не будучи въ состояніи выписывать всѣ журналы и газеты ограничивались наиболѣе интересными и важными. Относительно жизни курганскихъ декабристовъ Розенъ пишетъ: «Не имѣя никакой общественной должности, имѣли мы много досужаго времени, которое каждый изъ насъ старался употребить съ пользой» [3]).

Бригенъ занимался переводомъ Юлія Цезаря, который посвятилъ Жуковскому. Печатаніе перевода было разрѣшено, но безъ обозначенія имени переводчика [4]). Менѣе счастливъ оказался Кюхельбекеръ ходатайствовавшій о разрѣшеніи напечатать свои переводы и сочи, ненія безъ имени автора и переводчика. Его просьба не была удовлетворена [5]).

Нерѣдко подъ вліяніемъ декабристовъ совершенно измѣнялись интересы жителей глухихъ городовъ. О результатахъ пребыванія въ Селенгинскѣ своего и товарищей сообщаетъ Бестужевъ: «Двадцать лѣтъ въ жизни общества много значатъ: теперь это общество, въ которомъ мы должны были составлять звено, улеглось въ общечеловѣческія формы; теперь это самое общество не отдается душою и тѣломъ патріархальнымъ пирушкамъ: оно читаетъ журналы и газеты, ихъ интересуетъ теперь общая жизнь Руси; а въ эпоху нашего прибытія въ этотъ городъ ихъ жизнь и развлеченія были чисто матеріальныя» [6]). Въ Селенгинскѣ къ 1861 г. стали выписывать однихъ журналовъ и газетъ на 300 рублей серебромъ [7]).

Ялуторовская колонія декабристовъ «оставила въ средѣ не только ялуторовскаго городскаго населенія, но и въ средѣ населенія всей Западной Сибири вообще самыя лучшія, благодарныя о ней воспоминанія, еще и нынѣ сохраняющіяся» [8]).

---

[1]) *И. В. Ефимовъ.* „Замѣтки на воспоминанія Л. Ѳ. Львова“ — „Русскій Архивъ“, 1885 г. XII.

[2]) *Дмитріевъ-Мамоновъ*, стр. 139.

[3]) *Розенъ*, стр. 200.

[4]) *Дмитріевъ-Мамоновъ*, стр. 92.

[5]) Тамъ же.

[6]) *Бестужевъ*, стр. 637.

[7]) Тамъ же.

[8]) *Дмитріевъ-Мамоновъ*, стр. 165.

Для многихъ же мѣстныхъ жителей съ отъѣздомъ декабристовъ «Ялуторовскъ превратился въ пустыню: улицы поросли травой, лучшіе дома заколочены; просидишь цѣлый часъ подъ окномъ на большой улицѣ и не увидишь ни прохожаго, ни проѣзжаго» [1]).

Всѣ сибиряки сохранили самыя лучшія воспоминанія объ этихъ «государственныхъ преступникахъ». М. Д. Францева пишетъ: «Молодые годы моей жизни, проведенные въ Сибири, останутся навсегда неизгладимыми въ моей памяти; они полны воспоминаніями самыми свѣтлыми отъ сближенія съ дѣтства моего съ людьми не только доровитыми и развитыми умственно, но и глубоко понимающими высокую цѣль жизни человѣка на землѣ» [2]). Даже бывшій начальникъ Александровскаго завода, гдѣ работали каторжане, заявляетъ: «Пребываніе декабристовъ въ Сибири, насколько я знаю, едва ли оставило въ комъ-либо изъ насъ сибиряковъ дурныя о себѣ воспоминанія. Напротивъ, оно имѣло широкое образовательное вліяніе, за которое многіе изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, хранимъ искреннюю къ нимъ благодарность» [3]). «Всѣ, знавшіе ихъ», сообщаетъ тотъ же Ефимовъ, «съ которыми мнѣ приходилось разговаривать, сообщали о нихъ только добрыя воспоминанія, а многіе отзывались съ благодарностью, кто за помощь, кто за совѣтъ, а кто за обученіе» [4]).

Послѣ этого становятся понятны слова Дмитріева-Мамонова: «Многія могилы, частью съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени памятниками еще нынѣ существуютъ, — нѣкоторыя же, хотя и утрачены, но память объ усопшихъ еще и нынѣ жива: такъ высоко-нравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири большинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія» [5]).

Многіе декабристы поступили на службу, но блестящую карьеру сдѣлалъ одинъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій, который въ 1826 г. былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, но, при конфирмаціи, помилованъ и сосланъ на жительство въ Сибирь, безъ лишенія чиновъ, орденовъ и правъ дворянства. Сначала его отправили въ Якутскъ, но на пути съ береговъ Лены вернули и перевели въ Верхнеудинскъ. Черезъ два года онъ получилъ тамъ должность городничаго, потомъ былъ городничимъ

---

[1]) *К. Голодниковъ.* „Государственные и политическіе преступники въ Ялуторовскѣ и Курганѣ".—„Историческій Вѣстникъ", 1888, XII.

[2]) *Францева*, V, стр. 412.

[3]) Тамъ-же, стр. 553.

[4]) Тамъ-же, стр. 557.

[5]) *Дмитріевъ-Мамоновъ*, стр. 34.

въ Иркутскѣ, послѣ предсѣдателемъ губернскаго правленія и, наконецъ, губернаторомъ въ Тобольскѣ. По словамъ Розена, «во всѣхъ этихъ должностяхъ въ Сибири онъ дѣлалъ много добра и оставилъ по себѣ память безкорыстнаго и полезнаго слуги отечества» [1]).

Иначе дѣятельность увѣнчаннаго лаврами Муравьева рисуетъ Завалишинъ, безъ сомнѣнія, игравшій роль въ жизни Сибири, но сильно преувеличивающій свое значеніе. Однако, мы воспользуемся именно его записками, крайне характерными для тѣхъ тенденцій, которыя проявляли отдѣльные декабристы и которыя показались бы странными въ устахъ политическаго ссыльнаго—недекабриста. Громкія слова Завалишина, когда онъ заявляетъ: «Всѣ начальники отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, генералъ-губернаторовъ, ревизующихъ сенаторовъ, архіереевъ и пр., всѣ искали моего совѣта и содѣйствія» [2])—не являются простымъ хвастовствомъ. И глубокая горечь чувствуется въ слѣдующихъ словахъ Завалишина: «Когда я впослѣдствіи читалъ разсужденія комитета министровъ, государственнаго совѣта и, наконецъ, резолюцію самого Государя, выраженную моими словами, взятыми изъ составленныхъ мною для сенаторовъ записокъ, то, понятно, какія думы должно было это возбуждать во мнѣ» [3]).

Тотъ фактъ, что своимъ громкимъ именемъ Амурскаго — Муравьевъ въ значительной степени обязанъ Завалишину, можно считать несомнѣннымъ. Впослѣдствіи въ результатѣ отчасти личныхъ треній, отчасти принципіальныхъ споровъ по поводу дѣятельности Муравьева на Амурѣ, прежніе друзья сдѣлались врагами. И «ссыльный» Завалишинъ ведетъ «борьбу за власть» съ губернаторомъ, борьбу, которая оканчивается ссылкой.

Но куда? Изъ Читы... въ Казань, а затѣмъ Москву!

Какъ мы видимъ, администрація противодѣйствовала декабристамъ лишь тогда, когда они начинали играть первую роль въ управленіи края. Вообще же мѣстная власть, несмотря даже иногда на петербургскіе циркуляры, относились къ декабристамъ хорошо. Обычная аттестація: скромнаго поведенія, занимается чтеніемъ книгъ и т. д. [4]). Даже о сошедшемъ съ ума Бобрищевѣ-Пушкинѣ (старшемъ) докладывали на анекдотически-канцелярскомъ жаргонѣ: «Поведенія хорошаго, сколько помѣшательство ума дозволяетъ» [5]).

---

[1]) *Розенъ*, стр. 191.
[2]) *Завалишинъ*, стр. 358.
[3]) Тамъ же, стр. 379.
[4]) *Дмитріевъ-Мамоновъ*.
[5]) Тамъ же, стр. 172.

Крайне характерна также переписка жены «государственнаго преступника», Муравьевой и генералъ-губернатора Горчакова на безукоризненномъ французскомъ языкѣ, со всей изысканностью людей, получившихъ воспитаніе и привыкшихъ вращаться въ придворныхъ кругахъ.

Неудивительно, если отличительнымъ признакомъ «вельможной» ссылки было прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ. Или, какъ показывали на допросахъ отдѣльные декабристы:

— Грамотѣ читать и писать на разныхъ діалектахъ умѣю!

III.

Революціонное движеніе, начиная съ 70-хъ годовъ, хотя не является народнымъ, но пріобрѣтаетъ общественный характеръ. Интеллигенція, по преимуществу демократическая, разночинная, если не принимаетъ, какъ опредѣленная соціальная группа, участія въ народовольческомъ движеніи, то относится къ нему сочувственно. Особенно ясную и опредѣленную позицію занимаетъ учащаяся молодежь, чуть не сплошь состоящая изъ такихъ «сочувствующихъ». Изъ ея же рядовъ выходятъ активные дѣятели, которые, нерѣдко не окончивъ образованія, втягиваются въ революціонную дѣятельность.

Политическая ссылка того времени крайне характерно отражаетъ наше общественное движеніе и тѣ слои общества, которые относились къ нему сочувственно. Прослѣдимъ это даже по отдѣльнымъ десятилѣтіямъ.

Относительно семидесятыхъ годовъ сообщаетъ по личнымъ воспоминаніямъ саратовецъ: «Въ то же время ссылка въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ. составляла одинъ цѣльный пластъ: почти сплошь студенчество съ общими идеями, настроеніями и, непремѣнно, хоть съ какими-нибудь общими знакомыми на волѣ» [1]).

Уже въ серединѣ девяностыхъ годовъ,—сообщаетъ Цыперовичъ,—въ ссылку «шли, главнымъ образомъ, интеллигенты» [2]).

Еще въ началѣ XX вѣка мы видимъ массовую ссылку студентовъ за участіе въ уличныхъ демонстраціяхъ (правда, ихъ скоро вернули) [3]).

Лишь эпоха Плеве, совпавшая съ началомъ общенароднаго дви-

---

[1]) „Минувшіе Годы“, 1908, III, стр. 208.

[2]) „За полярнымъ кругомъ“, Петербургъ, 1907, стр. 22.

[3]) *В. Берентамъ*. „Якутская область и ссылка“, Петербургъ. Изд. Поповой, стр. 189.

женія, въ частности пролетарскаго, знаетъ немногіе села и «города» (съ нѣсколькими стами жителей), въ которыхъ преобладаютъ ссыльные рабочіе и крестьяне. Но культурный уровень попадающихъ въ ссылку стоитъ и тогда очень высоко. Выступая въ 1904 г. защитникомъ по «романовскому» дѣлу, В. Беренштамъ такъ охарактеризовалъ подсудимыхъ: «Это все развитые интеллигентные люди. Шесть изъ нихъ окончили высшія учебныя заведенія, половина либо училась въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, либо имѣетъ право на ученіе въ нихъ, остальные офицеры, зубные врачи» [1]) и т. д. Если въ переходное время и появлялись маленькія некультурныя группы политическихъ ссыльныхъ (какъ, напр., крестьянская—въ Пинегѣ Архангельской губ). [2]), то онѣ были совершенно незамѣтны среди всей политической ссылки разночинно-интеллигентскаго періода.

Переставъ быть вельможной, ссылка все же не теряетъ уваженія мѣстнаго населенія и, пожалуй, даже администраціи (хотя послѣдняя начинаетъ уже оказывать препятствія на пути культурно-просвѣтительной работы). Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгіе годы, которые предстоитъ провести въ глухой тайгѣ политическому ссыльному, даютъ лишь два выхода: или самоубійство или серьезная умственная работа и посильная помощь мѣстному населенію. Меньшинство избираетъ первое, большинство—второе.

Ссыльные занимались крайне серьёзно, иногда добывая необходимыя книги со страшнымъ трудомъ и огромными лишеніями. Тѣмъ не менѣе, въ историческихъ мѣстахъ ссылки скоплялись огромныя библіотеки. Интересныя свѣдѣнія о состояніи библіотеки Средне-Колымска къ началу XX вѣка сообщаетъ Цыперовичъ [3]).

Основа ея была заложена еще прежними ссыльными, которыми былъ установленъ «добрый обычай оставлять всѣ книги товарищамъ, продолжавшимъ отбывать свой срокъ». Съ прибытіемъ, начиная съ 1895—6 г.г., «новичковъ», по преимуществу марксистовъ, начали пополняться нѣкоторые, прежде забытые, отдѣлы. Раньше «наиболѣе полно были представлены отдѣлы по философіи, психологіи, естествознанію, отчасти по статистикѣ и исторіи. Новая ссылка занялась усерднымъ пополненіемъ преимущественно двухъ послѣднихъ отдѣловъ. Особенно много книгъ было пріобрѣтено по рабочему и соціальному вопросу». Плохо была представлена беллетристика, между тѣмъ, очень многими чувствовалась потребность въ ней.

---

[1]) *„Рѣчь защитника по Якутскому процессу“*. Изд. Д. Р. стр. 45.

[2]) *М. В. Ильинскій.* „Архангельская ссылка“. Петербургъ, 1906, стр. 240—1.

[3]) „За полярнымъ кругомъ“, стр. 94—99.

Одинъ поэтъ, бывшій ссыльный, передалъ подобное настроеніе:

А за окномъ тайга шумѣла,
Стучался вѣтеръ въ срубы стѣнъ...
Смѣялась ночь... Душа хотѣла
Живыхъ и яркихъ перемѣнъ...

Сообщая о такихъ же переживаніяхъ колымскихъ ссыльныхъ, Цыперовичъ пишетъ: «Я никогда не забуду того восторга, который овладѣлъ мною, когда мы, наконецъ, получили полное собраніе сочиненій Чехова. Дни и ночи просиживалъ я надъ ними, съ жадностью поглощая одинъ томикъ за другимъ. Даже экономія, которую я строго примѣнялъ по отношенію къ керосину, была забыта, и далеко за полночь горѣла моя маленькая лампа, освѣщая книгу великаго художника и бытописателя той среды, которая своей пассивностью и равнодушіемъ превратила всю россійскую жизнь въ мертвое болото».

Новая колымская ссылка конца девяностыхъ годовъ стала пополнять пробѣлъ книгъ по беллетристикѣ. Хотя свѣжаго притока изящной литературы не было и въ дальнѣйшемъ, но классиковъ пріобрѣли почти всѣхъ. Иностранные имѣлись и раньше, но демократизирующаяся ссылка, въ отличіе даже отъ ссылки восьмидесятыхъ годовъ, уже плохо владѣла иностранными языками.

Библіотека, «которая въ сущности не уступала по своимъ размѣрамъ и составу библіотекамъ многихъ провинціальныхъ городовъ Россіи», помѣщалась въ особомъ домѣ, спеціально купленномъ для этой цѣли бывшимъ шлиссельбуржцемъ Яновичемъ. Были устроены полки для книгъ, заведенъ каталогъ, устроена библіотечная касса (платили въ которую довольно аккуратно). Важный вопросъ о выпискѣ новыхъ газетъ, книгъ и журналовъ рѣшался большинствомъ голосовъ на общемъ библіотечномъ собраніи. Довольно аккуратно выписывали: «Русское Богатство», «Міръ Божій», «Научное Обозрѣніе», получали «Новое Слово», «Начало», «Жизнь» и другіе журналы. Изъ газетъ выписывали преимущественно «Русскія Вѣдомости» и «Восточное Обозрѣніе», кромѣ того, получались еще польскія.

Библіотека была умственнымъ и культурнымъ, а также организаціоннымъ центромъ: сюда сходились, здѣсь спорили, даже играли въ шахматы; тамъ же было организовано нѣчто въ родѣ почтоваго бюро.

По полученіи почты набрасывались обыкновенно на послѣдніе номера (все-таки ближе!), а потомъ начинали съ самаго начала, прочитывая газету отъ доски до доски. Читали газеты всѣ члены ко-

лоніи, и поэтому приходилось устанавливать строгую очередь. Газеты и журналы передавались изъ рукъ въ руки и, совершивъ кругосвѣтное путешествіе, снова попадали къ библіотекарю.

Серьезныя умственныя занятія ссыльнымъ прежняго времени казались настолько естественными, что они говорятъ о нихъ какъ-то между прочимъ. Цыперовичъ, напр., сообщаетъ только, что не у всѣхъ хватало терпѣнія (хотя и такіе «книгоѣды» имѣлись) просиживать за книгой не только цѣлые дни, но и вечера [1]). И дѣйствительно, на ряду съ Цыперовичемъ мы знаемъ Тана (Богоразъ), Короленко, Стеклова, Теплова и т. д.,—все это бывшіе ссыльные разночинно-интеллигентскаго періода.

Объ архангельской ссылкѣ начала XX вѣка сообщаетъ Ильинскій: «Днемъ каждый изъ насъ занятъ былъ чтеніемъ книгъ и газетъ, вечеромъ мы обыкновенно собирались кружками и бесѣдовали на самыя разнообразныя теоретическія темы. Чтеніе и споры были единственнымъ развлеченіемъ въ нашемъ сѣромъ, томительномъ прозябаніи. Книга въ ссылкѣ необходимѣе хлѣба, и потому мы заботились не только о своихъ интересахъ, но и тѣхъ одиночекъ товарищей, которые жили по селамъ и деревнямъ уѣзда. Все, что можно было выслать имъ изъ книгъ и газетъ, мы высылали» [2]).

Занимающаяся культурная ссылка чтила славныя традиціи культурной работы и умѣла уважать своихъ старшихъ товарищей.

Переходимъ, однако, къ другому вопросу, именно—какое вліяніе имѣла ссылка разночинно-интеллигентскаго періода на мѣстное населеніе.

Культурно-просвѣтительная роль ссылки разночинно-интеллигентскаго періода относится ко всему времени ея существованія, хотя для судебъ края она не имѣла такого большого значенія, какъ ссылка болѣе ранняго періода—вельможная.

Кромѣ административныхъ препятствій, ссыльные сталкивались съ крайней несознательностью инородцевъ. Жизнь Россіи, даже желѣзныя дороги, казались тѣмъ сначала сказкой. Дрянной граммофонъ могъ оказаться цѣлымъ событіемъ. Тѣмъ не менѣе, ссыльные старались подойти къ мѣстному населенію какъ можно ближе. Имѣющимися въ ихъ распоряженіи книгами они охотно надѣляли мѣстныхъ жителей. Но читала, по большей части, одна молодежь, да и то немногіе.

Если на наиболѣе сѣрую массу политическая ссылка не оказывала уже непосредственнаго культурнаго вліянія, то услуги разнаго

---

[1]) *Цыпировичъ*, стр. 93.

[2]) *Ильинскій*, стр. 92.

рода, оказываемыя ссыльными, заставляли мѣстныхъ людей относиться къ нимъ съ уваженіемъ. «Нужно ли было написать письмо или расписку, получить медицинскій или юридическій совѣтъ, они всегда обращались къ намъ съ полнымъ довѣріемъ, словно признавая насъ своими естественными покровителями» [1]), пишетъ бывшій ссыльный.

На интеллигенцію далекаго сѣвера разночинно-интеллигентская ссылка имѣла большое вліяніе. Связи съ нею никогда не порывались, особенно среди учащейся молодежи [2]).

Вліяніе ссылки на интеллигенцію было повседневнымъ явленіемъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе должно казаться страннымъ, что уставъ о поднадзорныхъ отдѣляетъ «политиковъ» отъ мѣстныхъ жителей китайской стѣной, разъяснительные циркуляры и административная практика на мѣстахъ довершали дѣло опеки сѣвернаго обывателя.

Насколько намъ извѣстно, лекціи удалось читать изъ всѣхъ представителей ссылки разночинно-интеллигентскаго періода только архангельцамъ-ссыльнымъ. Но это были лекціи, главнымъ образомъ, только по физикѣ и химіи [3]). Въ другихъ мѣстахъ, наприм. въ Колымскѣ, администрація не разрѣшала читать даже о тифѣ.

Педагогическая дѣятельность ссыльнымъ не разрѣшалась такъ же, какъ и лекціи, уставомъ о поднадзорныхъ. Когда въ 1883 г. акмолинскіе ссыльные просили генералъ-губернатора Степного края о разрѣшеніи давать уроки музыки, тотъ отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ, что если ссыльнымъ нуженъ заработокъ, они могутъ наниматься у киргизовъ въ качествѣ работниковъ съ платой по 15—20 коп. въ день [4]). Въ болѣе свободное время, въ 1903—1904 гг., вопреки уставу, иногда давалось оффиціальное разрѣшеніе, правда, со всякими оговорками. Такъ, напр., въ началѣ 1904 г. колымскій исправникъ добился циркуляра губернатора, которымъ ссыльнымъ разрѣшалось давать уроки, но со слѣдующими ограниченіями: 1) дѣти должны быть не старше 13-ти лѣтъ; 2) пріемы педагогической дѣятельности ссыльныхъ должны быть подвергнуты тщательному контролю со стороны властей; 3) давать уроки разрѣшается лишь тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые заслужили облегченія своей участи хорошимъ поведеніемъ; 4) относительно каждаго урока исправникъ долженъ входить съ особымъ ходатайствомъ въ канцелярію губернатора [5]).

---

[1]) *Цыперовичъ*, стр. 207.
[2]) *Ильинскій*, стр. 75—6.
[3]) Тамъ же, стр. 83—4.
[4]) *Кеннанъ*, стр. 143.
[5]) *Цыперовичъ*, стр. 113.

Чаще, впрочемъ, дѣло обходилось безъ всякаго разрѣшенія, лишь при «попустительствѣ» мѣстныхъ властей. Сверху же всегда шли циркуляры, въ которыхъ предписывалось учителямъ и учительницамъ избѣгать всякаго знакомства съ лицами, состоящими подъ надзоромъ полиціи.

Противодѣйствіе администраціи особенно могло мѣшать научной дѣятельности ссыльныхъ и даже лицамъ уже отбывшимъ срокъ. Тѣмъ не менѣе, можно указать, напримѣръ, научную экспедицію бывшихъ ссыльныхъ Богораза и Іохельсона, организованную на американскія деньги. Экспедиція дала блестящіе результаты, несмотря на оказанное ей вначалѣ противодѣйствіе.

Итакъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, политическая ссылка разночинно-интеллигентскаго періода все же выполняла свои культурно-просвѣтительныя задачи, медленно и незамѣтно.

Пріѣхавшіе откуда то со стороны люди, все знающіе и желавшіе знать еще больше, казались инородцамъ—существами не отъ міра сего. Глубокое убѣжденіе въ превосходствѣ «присланныхъ» иногда переходило въ озлобленіе, чаще же — несознательный зырянинъ или якутъ просто терялся въ присутствіи политическихъ. Бывали случаи, когда какой-нибудь лопарь по много разъ бросался въ ноги ссыльному и говорилъ:

— Можетъ быть, ты близокъ Государю, можетъ быть, ты посланъ отъ него, кто тебя знаетъ! [1]).

IV.

Теперь перейдемъ къ наименѣе культурному періоду политической ссылки. Начиная съ 3 іюня 1907 г. настало, такъ называемое, «успокоенье». Со всѣхъ концовъ Россіи потянулись этапы на сѣверъ. Жители Кавказа, Польши, Владивостока, Казани, Тулы и Петербурга сошлись вмѣстѣ въ одной пересыльной тюрьмѣ.

Этотъ характеръ массовой ссылки уголовнаго и случайнаго элемента особенно сильно сказывался до 3 іюня. Поэтому создавался «естественный отборъ» quasi—политическаго элемента. Въ Яренскѣ (Вологдской губ.) [2]) во главѣ колоніи оказывается уголовный, получающій на свое имя деньги для ссылки и растрачивающій ихъ, а послѣ скрывающійся съ этими деньгами. Недоразумѣнія такого рода случались и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) *Ильинскій*, стр. 148.

[2]) „Яренская анкета. 1908 г. Матеріалы о положеніи политическихъ ссыльныхъ“.

Послѣ 3 іюня ссылка начинаетъ пріобрѣтать болѣе политическій характеръ. Убѣгаютъ рѣдко; возвращаются добровольно многіе изъ бѣжавшихъ раньше. Тамъ, гдѣ уголовщина чувствуетъ себя прочно укрѣпившейся, начинается ихъ борьба съ политическими. Годы 1908—9 все-таки можно считать періодомъ массовой политической ссылки. Рядъ произведенныхъ переписей, какъ разъ относящихся къ этому времени, позволяетъ намъ выяснить соціальной составъ ссылки, ея культурный уровень и др. [2]).

Выше мы характеризовали ссылку съ 70-хъ годовъ до 1905 г., какъ разночинно-интеллигентскую. Про современную ссылку этого безусловно нельзя сказать. Въ особенности сократился процентъ учащейся молодежи, страшно высокій для прежнихъ лѣтъ. Въ Ижмѣ на 42 человѣка—учащихся всего 2, т. е. 4,7%, въ УстьсысольскѢ—29 на 300, т. е. $9^2/_3$%, въ ЯренскѢ—4,88%, въ СольвычегодскѢ процентъ учащихся колеблется между 5—7. Кое-гдѣ значителенъ процентъ учителей и учительницъ, преимущественно сельскихъ. Тѣмъ не менѣе, лишь въ УстьсысольскѢ мы встрѣчаемъ 31 на 300, т. е. $10^1/_3$% учащихъ. Незначительно число лицъ и другихъ интеллигентныхъ профессій, какъ врачи, частные повѣренные, фармацевты. Нѣкоторое значеніе представляетъ только группа бухгалтеровъ, конторщиковъ и т. д., кое-гдѣ составляющая 7% (Устьсысольскъ, Ижма).

Господствующее мѣсто занимаютъ рабочіе, почему мы и называемъ массовую ссылку—пролетарской. Въ Ижмѣ процентное отношеніе ихъ подымается до 69, въ ЯренскѢ—до 51,29: въ Черномъ Яру—47,3, въ УстьсысольскѢ—41. Ниже, чѣмъ въ УстьсысольскѢ, насколько намъ извѣстно, процентъ рабочихъ не опускается нигдѣ [3]).

Крайне незначительно число ссыльныхъ—крестьянъ, тѣмъ болѣе, если учесть наличность многомилліоннаго крестьянства. Лишь въ ЯренскѢ мы имѣемъ 16, 24%; УстьсысольскѢ—уже $13^1/_3$, Черномъ Яру—11, а въ Ижмѣ всего 2,4%!

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ мы будемъ еще пользоваться статьями *А. Т—ма* о Черноярской ссылкѣ (Астраханской губ., въ „Кіевскихъ вѣстяхъ“ отъ 4 іюня 1909 г.); *М. Сафонова*—о сольвычегодской („Вѣстникъ Европы“, 1909, XII); *Ан. Орловскаго* („Вѣстникъ Европы“, 1909, VIII) о тобольской;—собственной статьей въ № 2 „Нашей Зари“ за 1910 г. и воспоминаніями. Въ дальнѣйшемъ никакихъ указаній не будетъ.

[2]) Анкетной комиссіей этого города было произведено интересное дѣленіе рабочихъ на двѣ группы: работавшіе въ предпріятіяхъ съ числомъ занятыхъ лицъ менѣе 100 и болѣе 100. Оказалось, что $^2/_3$ рабочихъ (27% изъ 41) работали на фабрикахъ и заводахъ съ числомъ 100—25.000 человѣкъ, т. е. въ крупныхъ предпріятіяхъ.

Невполнѣ соотвѣтствуетъ соціальному составу ссылки ея культурный уровень. Процентъ неграмотныхъ сравнительно незначителенъ, колеблясь между 2 и 5: въ Сольвычегодскѣ не болѣе 4,5; въ Ижмѣ 4,7; Яренскѣ—4,19; Устьсысольскѣ—$2^2/_3\%$. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и эти немногіе неграмотные, по большей части, не имѣютъ ничего общаго съ политикой. Но пролетарскій характеръ ссылки даетъ себя чувствовать въ незначительномъ числѣ лицъ, получившихъ высшее и даже среднее образованіе. Чаще всего онъ колеблется между 11—16%; съ высшимъ же—во многихъ мѣстахъ ссылки нѣтъ ни одного человѣка (Устьсысольскъ, Ижма), въ другихъ—какихъ-нибудь 2,5% (Черный Яръ).

Современная ссылка, какъ таковая, дѣлается чуждой интеллигенціи сѣвера. Еще отдѣльные слои ссылки, тѣмъ болѣе, отдѣльныя лица могутъ имѣть вліяніе; но то, что они ссыльные,—теперь ставится имъ мѣстными жителями въ минусъ. Характерно, что отношеніе измѣнилось послѣ 3 іюня.

Отчасти на измѣненіе отношенія мѣстныхъ обывателей повліяли всѣ тѣ неурядицы, которыя имѣли мѣсто за недолгое время преобладанія уголовщины. Въ пору общественнаго подъема даже элементы, прикрывавшіеся именемъ политическихъ, были встрѣчены радушно. Въ ихъ пользу устраивались сборы, спектакли и т. п. Но съ наступленіемъ реакціи энтузіазмъ улетучился, и пришлось отдать себѣ отчетъ, что такое представляетъ собою современная ссылка. Наплывъ рабочихъ и крестьянъ произвелъ странное впечатлѣніе на интеллигенцію сѣвера. Смотрѣть на ссыльныхъ, какъ прежде, т. е. считать ихъ не только равными себѣ, но даже существами высшаго порядка—оказалось невозможно. Недавнія хулиганскія выходки уголовщины были поставлены въ 1908—9 гг. на счетъ демократической ссылкѣ. Чуждые пришельцы въ большинствѣ случаевъ оказались людьми, съ которыми не могло быть ничего общаго у интеллигенціи сѣвера. Впервые стали дѣлить политическую ссылку на категоріи, при чемъ къ интеллигентнымъ лицамъ большинство и теперь относится хорошо.

Они пріобрѣтаютъ даже нѣкоторое вліяніе. Рядъ сѣверныхъ газетъ были дѣломъ рукъ ссыльныхъ. Многія библіотеки сѣвера также нѣсколько демократизировались подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій ссылки о тѣхъ или другихъ книгахъ. Иногда мѣстная администрація предпринимаетъ «чистку» и, разсматривая указанія ссыльныхъ, какъ нѣчто въ самомъ корнѣ своемъ злонамѣренное, оставляетъ библіотеки безъ Горькаго, Златовратскаго, Тана (такъ, напр., было весной 1909 г. въ Устьсысольскомъ уѣздѣ). Но иногда ссыльнымъ удавалось провести списокъ желательныхъ книгъ, иногда

даже войти въ качествѣ полноправныхъ членовъ въ библіотечную комиссію. Наиболѣе плодотворна для мѣстнаго населенія оказалась та работа интеллигентовъ—ссыльныхъ, которую удалось повести открыто. Одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ заявилъ, что онъ различаетъ политиковъ и лжеполитиковъ. Первые, въ лицѣ людей съ профессіональнымъ образованіемъ, въ качествѣ врачей, фельдшеровъ, акушерокъ, адвокатовъ и т. д.—сыграли культурную роль. Губернаторъ подчеркнулъ, что «эта культурная, весьма добросовѣстно выполняемая работа заслужила признательность населенія». Но обыкновенно администрація лишаетъ ссыльныхъ возможности заниматься какой бы то ни было общественной дѣятельностью.

Попытки устройства литературныхъ вечеровъ, концертовъ, бесѣдъ, открытой работы въ союзахъ и кооперативахъ—оканчивались неудачей, вслѣдствіе невозможности работы легально.

Труднѣе всего по старому оказалось сблизиться съ крестьянами. Своеобразныя экономическія условія, отсутствіе гнета феодальнаго дворянства (обстоятельство, отмѣченное еще декабристомъ Розеномъ), даже нѣкоторая экономическая выгода отъ ссылки—все это является серьезнымъ препятствіемъ; извѣстную роль играетъ также измельчаніе ссылки, замѣчаемое старожилами. Нельзя не согласиться съ Орловскимъ, который говоритъ: «Въ прежнія времена политическая ссылка представляла собою, въ большинствѣ, цвѣтъ общества. Вѣрные девизу «неоплаченнаго долга народу», они приносили съ собою въ Сибирь свѣтъ знанія, практическія свѣдѣнія и высшую культуру... Сибирякъ-практикъ отмѣтилъ эту положительную сторону политической ссылки прежнихъ лѣтъ, и тѣмъ сильнѣе было его разочарованіе при видѣ новой ссылки — дѣтища поспѣшной, массовой ликвидаціи смуты». Тѣмъ не менѣе, вліяніе ссылки, хотя и не быстрое, сказывается. Постоянныя бесѣды, отвѣты на вопросы, чтеніе книгъ и газетъ, не можетъ пройти безслѣдно. Иногда дѣлаются попытки устраивать собесѣдованія и т. д. Въ результатѣ всевозможныхъ столкновеній уголовщины съ крестьянами, политическимъ ссыльнымъ не разъ приходилось выступать съ разъясненіемъ «не считать воровъ и пьяницъ, а тѣмъ болѣе убійцъ и насилующихъ женщинъ—политическими ссыльными».

Безусловно нельзя и сравнивать вліянія современной ссылки съ прежней на мѣстное населеніе. Но нѣкоторое просвѣтительное вліяніе ссылка имѣетъ и теперь. Только теперь центръ тяжести переносится на работу среди самихъ ссыльныхъ. Это объясняется не столько репрессіями, сколько демократическимъ составомъ ссылки и настойчивыми требованіями крестьянъ, а въ особенности—рабочихъ,

чтобы съ ними занимались. Можно сказать, что самообразованіе—idée fixe очень многихъ.

Въ 1906—7 гг. просвѣтительныя функціи выполняли колоніи ссыльныхъ. Въ тѣ краткіе сроки, когда въ ссылкѣ оказывался извѣстный контингентъ политическихъ, устраивались рефераты, кружки, занимались по общеобразовательнымъ предметамъ. Устраивали кое-какія библіотеки,—правда, довольно жалкія. Но отсутствіе постояннаго состава лицъ, удѣляющихъ вниманіе просвѣтительной работѣ, давало себя чувствовать. Лишь послѣ 3 іюня культурная дѣятельность нѣкоторыхъ колоній принимаетъ болѣе постоянный характеръ. Въ Устьсысольскѣ, напр., было прочитано нѣсколько лекцій, два реферата, устроена вечеринка, выписано рублей на 60—70 газетъ и журналовъ. Правленіе даже пріобрѣло фонарь для лекцій, однако, послѣдній живо сломали... еще до лекціи! Но въ мартѣ 1908 г. и этой работѣ колоніи пришелъ конецъ. Просвѣтительная работа перешла къ партійнымъ группамъ, которыя, начиная съ 1908 г., начинаютъ развивать кое-какую дѣятельность.

Партійныя *группы* — представляютъ собою организаціи ссыльныхъ культурно-просвѣтительнаго характера. Партійные ярлыки наклеиваются только потому, что вся ссылка пропитана духомъ партійности, вѣрнѣе—налетомъ ея. Рядъ переписей даетъ необычайно высокій процентъ лицъ, якобы, опредѣленныхъ убѣжденій. Но устьсысольская анкетная комиссія дѣлаетъ свою помѣтку къ «точнымъ» цифрамъ: «Причисляли себя къ партійнымъ, какъ кому Богъ на душу положитъ».

Группы являются просвѣтительными организаціями вполнѣ опредѣленныхъ тенденцій. При нихъ создаются библіотеки, мѣстами доходящія до тысячи томовъ, читаются доклады, устраиваются кружки. Въ послѣднихъ въ основу работы обыкновенно положенъ принципъ самодѣятельности. Наиболѣе знающій ссыльный, обыкновенно интеллигентъ, лишь указываетъ источники, поправляетъ ошибки и т. д. Доклады дѣлаются самими рабочими, которые готовятся, вернувшись, вступить въ ряды дѣятельныхъ работниковъ профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ. Чаще всего штудируются книги по исторіи рабочаго движенія; затѣмъ уже идутъ труды по политической экономіи, нѣкоторые занимаются философіей, исторіей литературы, даже естествознаніемъ. Огромное воспитательное значеніе имѣютъ, такъ называемые, клубы, къ сожалѣнію, не функціонирующіе постоянно. Въ нихъ устраиваются собесѣдованія на разныя темы. Кто-нибудь беретъ себѣ первый слово—и завязываются пренія, въ которыхъ одинъ за другимъ принимаютъ участіе рабочіе. Это будущая пролетарская интеллигенція, для которой

ссылка окажется народнымъ университетомъ. Для того, чтобы представить полнѣе картину дѣятельности просвѣтительныхъ группъ, остановимся ненадолго на устьсысольской группѣ.

До мартовскаго циркуляра она возрождалась не разъ, но быстро погибала. Въ октябрѣ 1907 года она начала свое существованіе въ третій разъ. Прочитали рядъ рефератовъ: «О парламентаризмѣ»; «О рабочемъ съѣздѣ»; «Національный вопросъ и право» и т. д. Готовился еще рядъ лекцій, но, вслѣдствіе двухъ-трехъ наудачныхъ рефератовъ и кое-какихъ неурядицъ, группа распалась. Однако, въ апрѣлѣ она возродилась вновь. Былъ устроенъ клубъ. Прочитаны рефераты—объ Андреевѣ и Санинѣ. На очередь всталъ вопросъ о занятіяхъ съ одиночками. Рабочимъ, изучающимъ индивидуально, внѣ какихъ-либо кружковъ, тотъ или другой вопросъ,—интеллигенты изъ числа наиболѣе знающихъ давали указанія. Въ группѣ было до 100 человѣкъ и до 50 примыкающихъ.

На ряду съ партійными группами существуютъ національныя: еврейскія, украинскія, польскія. Организаціи эти безусловно необходимы, такъ какъ въ ссылкѣ имѣется много лицъ, не знающихъ русскаго языка. Для нихъ устраиваются на родномъ языкѣ собесѣдованія, имѣется библіотека и т.д. Къ этому и сводятся задачи національныхъ группъ, ошибочно подозрѣваемыхъ нѣкоторыми наивными людьми въ шовинизмѣ. Насколько въ нихъ мало націоналистическаго, видно, напримѣръ, изъ того, что въ концѣ 1909 г. членомъ правленія устьсысольской еврейской группы былъ русскій, не знающій ни слова по-еврейски.

Въ Яренскѣ была сдѣлана попытка созданія чисто просвѣтительной организаціи. Вначалѣ отдѣлъ «Вѣстника Знанія», организовавшійся осенью 1907 г., возлагалъ надежды на работу среди мѣстнаго населенія, но дальше благихъ пожеланій дѣло не пошло. Поэтому мы и разсматриваемъ эту организацію въ той части, которая посвящена работѣ среди ссыльныхъ. На первомъ организаціонномъ собраніи былъ превозглашенъ девизъ: «учиться и учить другихъ», и говорились громкія рѣчи. Всѣ ораторы подчеркивали необходимость сближенія съ мѣстнымъ населеніемъ и, уносясь на крыльяхъ фантазіи, представляли себѣ Яренскій уѣздъ, покрытымъ рядомъ просвѣтительныхъ учрежденій. Дѣйствительность жестоко посмѣялась надъ розовыми надеждами. Первая попытка окончилась неудачей. Школу для дѣтей ссыльныхъ и мѣстныхъ закрыли. Скоро работа кружка «Вѣстника Знанія» приняла иной характеръ и ограничилась кругомъ ссыльныхъ. Нѣкоторое время просуществовали школы—старшаго и младшаго типа. Одна подготовляла на аттестатъ зрѣлости, другая—за четыре класса. Люди, занимавшіеся ариѳ-

метикой и географіей, сходились на частныхъ квартирахъ, рискуя подвергнуться отвѣтственности. Съ наступленіетъ лѣта 1908 года ученики были распущены «на каникулы», но, къ сожалѣнію, каникулы эти затянулись до настоящаго времени. Въ послѣдующее время дѣятельность отдѣла свелась къ выпискѣ книгъ, выдачѣ ихъ и т. д. Библіотека достигла слишкомъ 600 весьма цѣнныхъ книгъ, были выписаны еще. Но мало-по-малу выяснялась невозможность существованія «Вѣстника Знанія», какъ самостоятельной организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, много книгъ было конфисковано, нѣкоторыя просто утеряны. Оставшіяся книги подѣлили между собой группы ссыльныхъ; нѣкоторыя книги, какъ, напр., по естествознанію, были переданы въ земскую библіотеку, поставленную очень недурно.

При «Вѣстникѣ Знанія» были организованы кое-какіе рефераты на разнообразныя темы, но надо замѣтить, что рефератная иниціатива вообще является дѣломъ отдѣльныхъ лицъ (да и число лекторовъ сравнительно ограниченное). Послѣ реферата завязываются споры, и въ результатѣ этихъ долгихъ и ожесточенныхъ споровъ вопросъ дѣлается яснѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, пробуждается мысль слушателей, съ бо́льшимъ интересомъ читаются книги и т. д. Къ сожалѣнію, только короткое сѣверное лѣто можетъ быть использовано для чтенія рефератовъ. Съ наступленіемъ зимы собранія приходится устраивать въ квартирѣ, а собрать 70—80 человѣкъ крайне трудно.

Такимъ образомъ, устраиваются собранія, рефераты, кружки но крупнымъ недостаткомъ современной просвѣтительной работы въ ссылкѣ является ея случайный характеръ. Поставить правильно-организованныя занятія никогда не удается. Немногіе отдѣльные люди имѣютъ терпѣніе сидѣть за книгами съ утра до ночи. Болѣе усидчиво занимаются еще интеллигенты. Для рабочихъ же, привыкшихъ больше къ физическому труду, возможна усиленная умственная работа только временами. Объясняется это отчасти общественными условіями и краткимъ срокомъ, а главное—тѣмъ идейнымъ кризисомъ, который переживаетъ массовая ссылка, и который однихъ толкаетъ на самоубійства, другихъ—къ алкоголизму и т. п., а у большинства вызываетъ чувство глубокой апатіи, даже отчаянія. Понятно, въ подобной обстановкѣ серьезная умственная работа тормозится.

Но какъ бы ни была тяжела минутами жизнь массовой ссылки съ ея хронической нищетой и подавленнымъ настроеніемъ, отчасти даже именно поэтому—умственная работа является необходимостью. Она не можетъ носить постояннаго характера, она должна вестись урывками, но она не можетъ не имѣть мѣста. Газеты и журналы

читаются всѣми; большую услугу оказываютъ въ этомъ отношеніи и нѣкоторыя библіотеки, въ особенности гдѣ существуютъ недурныя читальни. Мало-по-малу развиваются ссыльные, въ особенности — рабочіе, и оказывается, что дни ссылки не прошли даромъ. Несомнѣнно, что даже пролетарская ссылка 1908 — 1909 гг. не пройдетъ безслѣдно въ области культурнаго вліянія и создастъ кадры рабочей интеллигенціи.

Даже внѣшнія препятствія не могутъ уничтожить самообразовательнаго значенія политической ссылки. Даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Туруханскъ, гдѣ нерѣдко вмѣсто 50 №№ газетъ получаютъ одинъ, а остальные оказываются потеряны, когда почти нѣтъ духовной пищи, и крайне неблагопріятенъ самый составъ ссылки, идетъ умственная работа. Корреспондируя изъ Туруханска въ «Народныя Вѣсти» (отъ 9-го января 1909 г.), Т. пишетъ: «Есть школы, кружки для самообразованія и даже театры. Но все это въ мизерныхъ размѣрахъ, такъ какъ интеллигенціи очень мало, да и сама она переживаетъ какой-то болѣзненный процессъ ломки старыхъ устоевъ, задачъ и увлеченій. И *все же въ этой работѣ единственное утѣшеніе и выходъ безысходной тоскѣ по свободѣ для всѣхъ заброшенныхъ въ гиблый край на цѣлые годы изгнанниковъ*» [1]).

Этими словами мы и закончимъ нашу статью.

Борисъ Фромметтъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ.